

RU

Мотив любви в третьем триптихе из книги сестер Бронте
«Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» (1846)

Модина Г. И., Толмачева А. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить вариации и значение мотива любви в третьем триптихе книги сестер Бронте «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» (“Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell”). Научная новизна заключается в обращении к «Стихотворениям Каррера, Эллиса и Эктона Белла» как тексту, обладающему внутренним единством, и лирическим мотивам как основе этого единства. В результате исследования определены особенности композиции книги, состоящей из стихотворных триптихов. Мотив любви, связанный с темами жизни и смерти, мотивами памяти, веры и сомнения, надежды и призвания, выходит на первый план в третьем триптихе. Анализ составивших триптих стихотворений «Воля жены», «Воспоминание» и «Суета сует, все суета» выявил следующие вариации изучаемого мотива: любовь супружеская в стихотворении Шарлотты, «любовь сильнее смерти» в стихах Эмили. Анализ стихотворения Энн Бронте в сравнении с предшествующими стихами обнаруживает его полемический характер и указывает на трактовку мотива любви в стихах старших сестер как любви-тщеславия. Определена свойственная стихам Энн вариация мотива любви как основного принципа христианской этики – «божественной любви». Обнаружена связь мотивов любви и призвания, что указывает на значение мотива любви в формировании лирического сюжета книги.

EN

The motif of love in the third triptych of the Brontë sisters' collection
“Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell” (1846)

G. I. Modina, A. A. Tolmacheva

Abstract. The aim of the study is to identify variations and the significance of the motif of love in the third triptych of the Brontë sisters' book “Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell”. The scientific novelty of the research lies in the fact that “Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell” are studied as the text possessing the inner unity and lyrical motifs as the base of this unity. As a result of the study, the peculiarities of the composition of the book consisting of poetic triptychs are established. The motif of love connected with the themes of life and death, with the motifs of memory, faith and doubt, hope and vocation moves to the forefront in the third triptych. The analysis of the poems “The Wife’s Will”, “Remembrance”, and “Vanitas Vanitatum, Omnia Vanitas” that compose the triptych has revealed the following variations of the studied motif: the matrimonial love in Charlotte’s poem, the “love stronger than death” in Emily’s poem. The analysis of Anne Brontë’s poem in comparison with the previous poems reveals its polemic character and indicates such interpretation of the motif of love in the compositions of elder sisters as the love-vanity. It is established that the variation of the motif of love in Anne’s poem presents the primary principle of the Christian ethics – the “divine love”. It is revealed that the motifs of love and vocation are connected, and this fact indicates the significance of the motif of love in the formation of the book’s lyrical plot.

Введение

Книга «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» – первая публикация произведений сестер Бронте, больше известных как авторы прозаических сочинений. Издание книги стихотворений в 1846 г. не вызвало внимания ни читателей, ни литературных критиков. И в настоящее время, несмотря на признание биографической и художественной ценности лирики сестер Бронте, интерес зарубежных и отечественных исследователей обращен к их прозе, отдельные стихотворения исследуются, главным образом, в биографическом контексте (Hatfield, 1920; Levine, 2000; Bauman, 2004; Harris, 2006), с точки зрения переводческих стратегий (Зуболенко, Верхотурова, 2024), в лингвистических аспектах (Камышева, 2024; Моисеенко, 2023),

с позиций психоанализа (Шевченко, 2018). Отметим особое внимание современных исследователей к лирике Энн Бронте: книга П. Дж. М. Скотта (Scott, 1983) «Энн Бронте. Новые критические оценки», где автор обращается к анализу не только прозы, но и поэтических сочинений писательницы, работа К. Глэсскотт (Glasscott, 2023) о репрезентации детства в поэзии Энн Бронте, монография Е. А. Поляковой (2012; 2013), рассматривающей стихотворения Энн Бронте как важную часть созданного ею художественного мира.

Актуальность обращения к анализу мотива любви в триптихе из книги «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» определена необходимостью преодолеть представление о поэтических опытах сестер Бронте как малозначительном литературном факте и книге стихотворений как собрании разрозненных произведений. Сопоставительный анализ одного из ведущих мотивов творчества сестер Бронте позволяет обнаружить сюжетное единство книги стихотворений, уточнить представления о своеобразии творческой индивидуальности каждого автора, открывает возможность более глубокой интерпретации персонажей их прозаических произведений.

Для достижения указанной выше цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть принципы композиции книги «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла», представить основные мотивы в ней;
- 2) проанализировать воплощение мотива любви в составивших третий триптих стихотворениях сестер Бронте в контексте экзистенциальной тематики книги и мотивов веры, сомнения, надежды и призвания;
- 3) проанализировать связь мотивов любви и призвания, определить значение мотива любви в формировании лирического сюжета книги.

Для исследования особенностей композиции, диалогического характера составивших сборник произведений применены структурно-описательный и нарратологический методы анализа художественного текста, позволяющие выявить форму триптиха как основного композиционного принципа книги, обнаружить диалогический характер составляющих его стихотворений. Необходимостью выявить значение и вариации мотива любви в третьем триптихе определено обращение к методам мотивного и сравнительного анализа.

Материалом исследования послужили стихи из книги «Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell» (Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла) (1846) и, в частности, составившие третий триптих стихотворения Шарлотты Бронте «Воля жены», Эмили Бронте «Воспоминание», Энн Бронте «Суета сует, все суета».

Теоретическую базу исследования составляют труды по теории мотива Б. М. Гаспарова (1993), И. В. Силантьева (1994; 2008), Л. Н. Целковой (1999), Б. Н. Путилова (1975), В. Я. Малкиной (2008), В. А. Киселевой (2010). В основе анализа данное Б. М. Гаспаровым определение «мотива» как феномена, «репродуцируемого в тексте», формирующегося «непосредственно в развертывании структуры и через структуру», «каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» (1993, с. 30-31). Интертекстуальный подход к пониманию мотива Б. М. Гаспаровым дополняет системное определение И. В. Силантьева, рассматривающего мотив как «эстетически значимую повествовательную единицу, интертекстуальную в своем функционировании, инвариантную в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантную в своих событийных реализациях, соотносящую в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» (2004, с. 263). Это определение указывает на семантические связи героя и мотива, участие мотива в формировании художественного пространства и отношение его к повествовательной теме: «Мотив как носитель семантического субстрата повествования (подобно слову в речи) неотделим от темы как содержательной фиксации этого смысла. <...> Тема развертывается в повествовании посредством выраженных в нем мотивов» (Силантьев, 2008, с. 131). Отметим значение для данного исследования положений Л. Н. Целковой о мотиве в лирическом произведении как повторяющемся комплексе «чувств и идей», где на первом плане «повторяемость психологических переживаний» (1999, с. 138-139), Б. Н. Путилова, рассматривающего мотив как «сюжетообразующий элемент» (1975, с. 149), и В. Я. Малкиной, указавшей на мотив как инструмент реализации лирического сюжета: «при помощи мотивов как предикатов темы» лирический сюжет разворачивается «в пространстве и/или во времени стихотворения от одной ситуации, связанной с лирическим субъектом, к другой и, в свою очередь, к событию как преодолению в акте самосознания “я” внутренних границ мира лирического стихотворения» (2008, с. 115). Важным представляется взгляд В. А. Киселевой на мотив «как важнейшее средство формирования целостности» (2010, с. 78) лирического текста и одновременно смыслообразующий элемент: если композиция – «взаимная соотнесенность и расположение единиц изображаемого», то «исследователь может рассматривать мотивы в качестве этих единиц», и «выявление смысла произведения будет основано на выявлении, обнаружении характера расположения, чередования, варьирования, сопряжения мотивов как элементов художественной формы» (2010, с. 80).

Практическая значимость исследования связана с преподаванием курсов по истории английской литературы и культуры XIX века, специальных курсов по истории западноевропейской лирики.

Обсуждение и результаты

Идея опубликовать поэтические сочинения разных лет в книге «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» принадлежала Шарлотте, но Эмили и Энн стали полноправными авторами, они участвовали в выборе произведений и организации материала. В книгу вошли несколько тщательно отредактированных авторами юношеских стихотворений, бывших частью художественного мира вымышленных королевств Гондала

и Англии, а также стихи более поздние и глубоко личные, отмеченные чертами автобиографизма. Книга, где Шарлотте принадлежат девятнадцать, а Эмили и Энн по двадцати одному стихотворению, стала единственной, объединившей их поэтические опыты. Е. Ю. Гениева, называя союз сестер Бронте родственным «не столько по крови, сколько по духу», замечает: «Современники, пытавшиеся разгадать тайну их “тройного псевдонима”: Каррер, Эллис и Эктон Белл, были не так уж далеки от истины, когда считали, что за этими странными – не женскими и не мужскими – именами скрывается какое-то одно существо» (1990, с. 6). Но, несмотря на восприятие авторства как триединства, стихи сестер Бронте из книги «Стихотворений» часто публикуются отдельно в хронологическом, свободном или алфавитном порядке. Примером может служить имеющий несколько изданий сборник созданных в разные время лирических сочинений Шарлотты, в том числе не вошедших в первую книгу стихов сестер Бронте, но на обложке рядом с именем автора указан псевдоним – Каррер Белл (*The Poems of Charlotte Bronte – Curren Bell, 1885 (2015)*); двухтомное полное собрание лирики Эмили (*The Complete works of Emily Bronte in two volumes, 1908*); полное собрание стихов Энн (*Complete poems of Anne Brontë, 2012*); трехтомное собрание произведений сестер Бронте в русских переводах, где стихи в свободном порядке помещены после прозаических произведений каждого автора (Бронте, 1990).

В связи с этим «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» могут быть восприняты как сборник, не обладающий внутренним единством, однако расположение текстов в нем указывает на обратное. Книга открывается произведением Шарлотты, за ним следует стихотворение Эмили и далее Энн. Такое чередование сохранится до конца. Книга включает шестьдесят одно стихотворение, которые составили восемнадцать триптихов. Иногда авторы посвящают очередной теме не одно, а два стихотворения. Шарлотта поступает так однажды, противопоставляя монологу одержимого едва ли не языческой страстью лирического героя-воина («Страсть») ответный монолог лирической героини о христианской любви и предпочтении мыслителя воину («Предпочтение») в двенадцатом триптихе. Эмили и Энн помещают двойные ответы на три стихотворения Шарлотты из второго («Реликвии»), четвертого («Лес») и пятнадцатого триптихов («Разлука»), где звучат мотивы утраты любимых, тоски по родному дому.

Последовательность текстов – Шарлотта, Эмили, Энн – нарушена лишь один раз. Продолжая тему разлуки, заданную Шарлоттой в одноименном стихотворении, сестры отвечают монологами лирических героинь: «Стансы к ...» Эмили, где звучит мотив прощения, обращенный к совершившему «измену» и обреченному на смерть герою, и «Призыв» Энн – монолог героини о тоске и желании видеть любимого. Далее помещено стихотворение «Мученик чести» – ответ лирической героине «Стансов», где в последней строфе речь идет о суровом долге хранить тайну, о том, что лишь будущее откроет безупречную верность «мученика чести». А стихотворение Энн «Серенада студента» представляет собой ответ лирической героине «Призыва». Заметим, что отступления от общего правила не нарушают ритма, «двойные ответы» варьируют одну тему, и триптих остается главным компонентом композиции книги.

Внутреннее пространство «Стихотворений» организовано сквозными темами и мотивами, намеченными в первом триптихе. Его открывает стихотворение Шарлотты «Сон жены Пилата». Автор создает образ героини, совершающей христианский подвиг. В стихотворении возникают темы жизни и смерти, звучат мотивы веры, сомнения, надежды, истины, любви и призвания. Тема смерти любимых, мотив веры, противостоящей отчаянию, звучит во втором стихотворении триптиха, принадлежащем Эмили – «Вера и уныние». В стихотворении Энн, разрешая антитезу жизни и смерти, возникает мотив светлой памяти.

Во втором триптихе мотив памяти становится ведущим в стихотворении Шарлотты «Реликвии», представляющем собой воспоминания лирического героя о трагических событиях в семье близких ему людей: жестокость отца, смерть матери, горе дочери. С образом дочери, ее стоической волей к жизни и стремлением найти свое «я» связан возникший в финале стихотворения мотив призвания. Имплицитно он присутствует в двухчастном «ответе» Эмили – стихотворениях «Звезды» и «Философ». В первом лирический герой в размышлениях и созерцании звездного неба переживает мистическое единение души с бесконечным универсумом:

За мыслью следовала мысль, и за звездой звезда
Сквозь безграничные края все дальше,
И сила нежная, далекая и близкая,
Пронизывая, прочно нас соединяла!
(здесь и далее перевод выполнен А. Толмачевой под редакцией Г. Модиной). /
Thought followed thought, star followed star
Through boundless regions, on;
While one sweet influence, near and far,
Thrilled through and proved us one! (Poems by Curren..., 1846, p. 22).

Герой сетованиями встречает наступление утра, призывает ночь и звезды укрыть его от яростных лучей солнца – они «не греют, но жгут». / “That does not warm, but burn” (Poems by Curren..., 1846, p. 23). Противопоставление ночи и света звезд, утра и солнечного света – метафорическое выражение оппозиции мистического и рационального мировосприятия, родственное образам тьмы и света в «Гимнах к ночи» Новалиса:

Неужели утро неотвратимо?
Неужели вечен гнет земного?
В хлопотах злосчастных исчезает небесный след ночи. <...>
Свету положены пределы; в бессрочном, беспредельном ночь царит (Новалис, 2003, с. 147).

В следующем стихотворении само название – «Философ» – указывает на тип лирического героя. Заметим, исследователи называют Эмили «поэтом философского склада» (Ионкис, 1990, с. 10).

Завершают триптих стихотворения Энн. В первом из них («Беседка») образ крылатой души, летящей в воспоминаниях в давно ушедшие счастливые годы, ассоциативно связан с ментальным странствием Эмили в бесконечность и одновременно противопоставлен его темной тональности. И далее в стихотворении Энн «Дом» мотив памяти звучит в вариации счастливой памяти о родном доме.

Мотив любви, связанный с темой смерти и мотивом памяти, в первом и втором триптихах звучит аккомпанементом к ведущим мотивам, в третьем триптихе он выходит на первый план.

Третий триптих составили стихотворения «Воля жены» Шарлотты, «Воспоминание» Эмили и “*Vanitas Vanitatum, Omnia Vanitas*” («Суета сует, все суета») Энн. Мотив любви становится основным в стихотворении Шарлотты – монологе лирической героини, обращенном к вернувшемуся из долгого странствия мужу. В первой строфе героиня просит продлить счастливые мгновения встречи, не нарушая «хрупкого покоя» ни словом, ни движеньем:

Молчи, не двигайся – слово, дыхание могут нарушить
 (Так ветерок рябит воды спящего озера)
 Хрупкий покой, приглушающий тревогу,
 Сладостный, глубокий, полный покой. /
 Sit still – a word – a breath may break
 (As light airs stir a sleeping lake,)
 The glassy calm that soothes my woes,
 The sweet, the deep, the full repose (Poems by Currer..., 1846, p. 28).

В этой просьбе звучит предчувствие новой разлуки, желание не думать о ней, но героиня сама нарушает спокойствие словами: «Не покидай меня! Пусть вечно длится этот миг / Он мне дороже жизни!» / “*O leave me not! for ever be / Thus, more than life itself to me!*” (Poems by Currer..., 1846, p. 29). В глазах мужа, друга «надежного», «верного», «дорогого», «избранного сердцем» (“*The friend so true – so tried – so dear, / My heart’s own chosen*”), видит она сияние веры, истинной любви и восклицает: «Поистине – люблю тебя!» / “*Most truly – I love thee!*” (Poems by Currer..., 1846, p. 29). Героиня словно убеждает себя в возможности сохранить душевный покой, отвергая возможность новой разлуки: «Но улыбнись – мы счастливы теперь!» / “*Yet smile – for we are happy now!*”. Однако на признание мужа о том, что расставание неизбежно и долг зовет его, отвечает: «Уильям, / услышь мою торжественную клятву! Услышь, прими ее – с тобой иду!» / “*William – hear my solemn vow – Hear and confirm! – with thee I go*” (Poems by Currer..., 1846, p. 30). Муж принимает ее решение, и это согласие дарит героине не ложное, омраченное призраком разлуки, но истинное счастье. Тревога расставания, равная тревоге утраты, уступает место спокойной радости: «Теперь так радостно течет наш вечер, / Он ясным пламенем камина озарен». / “*This evening, now, shall sweetly flow, / Lit by our clear fire’s happy glow*” (Poems by Currer..., 1846, p. 31). Мотив любви в стихотворении Шарлотты разворачивается в вариации любви супружеской и имеет те «признаки», на какие указывает Дитрих фон Гильдебранд в книге «Метафизика любви»: сущностно связанное с любовью состояние восхищения любимым человеком (1999, с. 89), *Intentio unionis* – стремление к духовному единению с любимым (1999, с. 93). И в «особой степени присущее супружеской любви» *Intentio benevolentiae* – участие в жизни другого человека (Гильдебранд, 1999, с. 96). Мотив любви в стихотворении «Воля жены» связан с мотивом призвания. Героиня готова не только следовать за мужем, но и быть рядом и действовать как равная ему:

Услышь меня! С тобой пересеку моря.
 Какие бы опасности ни встретил ты,
 Чему бы ты ни бросил вызов,
 Я – верная жена – с тобой их разделю.
 В бездействии не стану чахнуть дома;
 Твои тяжелые труды, твои опасности моими будут. /
 Hear me! I cross with thee the seas.
 Such risk as thou must meet and dare,
 I – thy true wife – will duly share.
 Passive, at home, I will not pine;
 Thy toils – thy perils shall be mine (Poems by Currer..., 1846, p. 30).

Заветное «желание души» героини, смысл ее судьбы – быть сподвижницей в миссии супруга, опорой в испытаниях. Ее монолог завершают слова: «Мое решение – закон судьбы, / И в радости, и в горе быть с тобой!» / “*For fate admits my soul’s decree, / In bliss or bale – to go with thee!*” (Poems by Currer..., 1846, p. 31).

Заметим, что героиня готова стать опорой достойному человеку в его благородных действиях, признавшему ее свободный выбор. В этом основа ее любви к нему: «Ты достоин, я чувствую, всей силы моей любви». / “*Worthy, I feel, art thou to be / Loved with my perfect energy*” (Poems by Currer..., 1846, p. 30). Эти слова – антитеза восклицанию жены, прозвучавшему в стихотворении Шарлотты «Сон жены Пилата» из первого триптиха: «Как я могу любить его, скорбеть о нем или жалеть его? / Того, кто долго так заламывал мне скованные руки. / “*How can I love, or mourn, or pity him? / I, who so long my fettered hands have wrung*” (Poems by Currer..., 1846, p. 3).

В монологе Клавдии Прокулы возникает нравственный облик Пилата: душа, полная низменных стремлений, тройная жажда золота, крови, власти, он «топчет сердца так, как иные топчут глину». / “tramples hearts as others trample clay” (Poems by Currer..., 1846, p. 3). Жена Пилата восклицает: «Душе моей он ненавистен!» / “My soul abhors his mien!” (Poems by Currer..., 1846, p. 4). В стихотворении «Воля жены» речь идет о благородном долге мужа, о его приятии решения жены осуществить свое призвание, быть равной в действиях, и в этом героиня видит свидетельство его любви, чувство «чистое, незапятнанное», далекое от «страсти фальшивой и слепой». / “Pure – undefiled with base alloy; / ‘Tis not a passion, false and blind” (Poems by Currer..., 1846, p. 30).

Со стихотворением Эмили «Память» в книге вновь возникает танатологическая тема – смерть любимого человека. Лирический сюжет представляет собой антитезу сюжету предшествующего стихотворения Шарлотты: счастливой тональности противостоит глубокая печаль, теплу семейной идиллии у домашнего очага – одиночество и холод. Ритм стихотворения по наблюдению исследователей сходен с медленным и мрачным ритмом погребального марша (Gezari, 2007, p. 56; Шевченко, 2018, с. 200). Вместе с тем «Память» – антитеза стихотворению самой Эмили из первого триптиха «Вера и уныние», где отец, обращаясь к дочери, признается в одолевающих его горьких воспоминаниях:

Вижу вересковые пустоши, туманные холмы,
Там вечер опускается на землю, холодный, тёмный,
Там, одиноко, среди холодных гор,
Спят те, кого любил когда-то.
И в сердце боль и безнадежность,
И тщетная тоска –
Я больше никогда их не увижу! /
I think of deep glens, blocked with snow;
I dream of moor, and misty hill,
Where evening closes dark and chill;
For, lone, among the mountains cold,
Lie those that I have loved of old.
And my heart aches, in hopeless pain
Exhausted with repinings vain,
That I shall greet them ne'er again! (Poems by Currer..., 1846, p. 8).

Но дочь утешает отца, напоминая ему о бессмертии души, о «бескрайних водах Времени» / “Time’s wide waters” (Poems by Currer..., 1846, p. 8), несущих к благословенному берегу, к встрече с любимыми в вечности, и вера побеждает уныние.

Но самую яркую антитезу «Память» представляет завершающему первый триптих стихотворению Энн «Воспоминание», где доминирует мотив приятия утраты:

Да, нет тебя! и больше никогда
Твоя солнечная улыбка не порадует меня.
<...>
И все же, пусть я больше не смогу тебя увидеть,
Есть утешение в том, что видела тебя;
И пусть закончилась твоя мимолетная жизнь,
Мне сладко помнить, что ты была,

Думать, что душа, столь близкая к божественной,
Твой облик ангельский и сердце,
Когда-то радовали наш скромный мир. /
Yes, thou art gone! and never more
Thy sunny smile shall gladden me.
<...>
Yet, though I cannot see thee more,
‘Tis still a comfort to have seen;
And though thy transient life is o’er,
‘Tis sweet to think that thou hast been;

To think a soul so near divine,
Within a form, so angel fair,
United to a heart like thine,
Has gladdened once our humble sphere (Poems by Currer..., 1846, p. 10-11).

В монологе лирической героини «Памяти» нет речи о благословенном берегу, нет смиренного приятия вечной разлуки, но есть память и любовь, несмотря на прошедшие пятнадцать лет. Значение возникшего в первой строфе мотива любви акцентировано повторами: «единственная моя любовь», «любить тебя», «нежная любовь юности моей». / “my only Love”, “to love thee”, “Sweet Love of youth” (Poems by Currer..., 1846, p. 31).

Художественное пространство организовано образами, почти тождественными стихотворению «Вера и уныние», – холод, покрытые снегом холмы, далекий северный берег, – однако здесь это не реалии материального мира, но черты бесконечно далекого пространства смерти:

Холод земли и тяжелый снег над тобой,
В далекой, далекой дали, в холодной и мрачной могиле! <...>
Холод земли – пятнадцать бурных декаблей
Сошли с этих темных холмов весеннею водой. /
Cold in the earth – and the deep snow piled above thee,
Far, far, removed, cold in the dreary grave! <...>
Cold in the earth – and fifteen wild Decembers,
From those brown hills, have melted into spring (Poems by Currer..., 1846, p. 31).

Монолог героини обращен к умершему и одновременно к себе самой, в нем рядом с мотивом любви и памяти звучит мотив забвения:

Могу ли я забыть, единственная моя Любовь, любовь к тебе,
Унесенному навеки всеразрушающей волною Времени? /
Have I forgot, my only Love, to love thee,
Severed at last by Time's all-severing wave? (Poems by Currer..., 1846, p. 31).

Мотив забвения, намеченный в первой строфе, возникает в четвертой, героиня признается:

<...> прости, что забываю о тебе,
В то время как несет меня мирской поток
Меня терзают иные страсти и надежды,
Надежды заслоняют твой облик, но бессильны исказить его! /
<...> forgive, if I forget thee,
While the world's tide is bearing me along
Other desires and other hopes beset me,
Hopes which obscure, but cannot do thee wrong! (Poems by Currer..., 1846, p. 32).

В пятой, шестой и седьмой строфах звучит воспоминание о переживании горя в динамике. Плач в первой строфе:

С тобою свет моих небес угас,
И утро больше не настанет для меня;
Всей жизни радость – жизнь твоя была,
Вся радость жизни умерла с тобой. /
No later light has lightened up my heaven,
No second morn has ever shone for me;
All my life's bliss from thy dear life was given,
All my life's bliss is in the grave with thee (Poems by Currer..., 1846, p. 32).

Образ угасшего света ассоциируется со светом утра, отвергнутого лирическим героем стихотворения «Звезды» в желании сохранить единение с бесконечностью.

Стремление к смерти, его преодоление и преодоление тоски по ушедшему счастью выражены в шестой и седьмой строфах:

Но когда погибли дни прекрасных грез,
И отчаяние оказалось бесполезным,
Я поняла, как примириться с жизнью,
Хранить, питать ее без радости.
Тогда остановила страстные и тщетные рыдания,
Запретила своей юной душе тосковать по тебе.
Сурово подавила в ней жгучее желание
Спешить в могилу, ставшую совсем моей. /
But, when the days of golden dreams had perished,
And even Despair was powerless to destroy;
Then did I learn how existence could be cherished,
Strengthened, and fed without the aid of joy.

Then did I check the tears of useless passion –
Weaned my young soul from yearning after thine;
Sternly denied its burning wish to hasten
Down to that tomb already more than mine (Poems by Currer..., 1846, p. 32).

В заключительной строфе лирическая героиня отказывается от воспоминаний о минувшем счастье, вызывающих болезненное чувство пустоты в настоящем:

Не смею предаться восторженной боли воспоминаний.
Единожды испив до дна мучения божественного чашу,
Как вновь мне пожелать вернуться в мир пустой? /
Dare not indulge in memory's rapturous pain
Once drinking deep of that divinest anguish,
How could I seek the empty world again? (Poems by Currer..., 1846, p. 32).

Отринутые воспоминания о счастье, подавленные скорбь и бурная тоска не означают забвения любви. «Верное сердце» хранит любовь «многие годы, среди перемен и страданий». / “Faithful, indeed, is the spirit that remembers / After such years of change and suffering” (Poems by Currer..., 1846, с. 32). Память преодолевает бесконечное пространство, противостоит волнам всеразрушающего времени, устремляясь к далекому северному берегу, за холмы, и, сложив крылья, находит покой там, «где вереск и папоротник укрыли / Благородное сердце на веки вечные». / “where heath and fern-leaves cover / Thy noble heart for ever, ever more” (Poems by Currer..., 1846, с. 32). Память противостоит забвению, одерживая победу над вечной разлукой – пространство смерти становится пространством вечности, где нет ни радости, ни отчаяния. Здесь возникает переживание, близкое тому, что С. С. Аверинцев связывал со свойственной романтикам «темной, ночной, иррациональной психологией любви» (1983, с. 329). Лирическая героиня остается с любимым не в горе и радости, но в жизни и смерти, а мотив любви приобретает значение мотива «любви сильнее смерти», пришедшего в литературу из ирландских сказаний, знакомых сестрам Бронте с детства, – их дед, Гуг Бронте, был «профессиональным рассказчиком с замечательным слогом и не менее замечательной памятью» (Петерсон, 1895, с. 43).

Завершает третий триптих стихотворение Энн “Vanitas Vanitatum, Omnia Vanitas” («Суета сует, все суета»). Одиннадцать его строф представляют собой парафраз стихов из «Книги Екклесиаста, или Проповедника». В ответ на стихи Шарлотты и Эмили с их страстным пафосом звучит напоминание:

Во всем, что мы делаем, и слышим, и видим –
Беспокойный труд и суета
<...>
Наслаждения лишь удваивают будущие страдания,
И за радостью горе наступает в свой черед
<...>.
Занимают ли нашу Жизнь Слава или Богатство,
Смерть придет, разрушит наши труды,
И вырвет из рук неиспитую чашу,
Добытую трудом многих дней. /
In all we do, and hear, and see,
Is restless Toil and Vanity
<...>
Pleasure but doubles future pain,
And joy brings sorrow in her train
<...>
Should Wealth, or Fame, our Life employ,
Death comes, our labour to destroy;
To snatch the untasted cup away,
For which we toiled so many a day (Poems by Currer..., 1846, p. 33-34).

“Vanity” в значении «тщеславие», по наблюдению Е. А. Поляковой, «было одним из важнейших компонентов художественного мира Энн Бронте» (2013, с. 82). Упомянув о созданном в 1845 году стихотворении “Vanitas Vanitatum, Omnia Vanitas”, исследователь называет его программным и связывает с теми впечатлениями, какие Энн получила, будучи гувернанткой в доме Робинсонов, где, «по ее по ее собственному выражению, наблюдала “немыслимые вещи”» (Полякова, 2013, с. 82). Однако, став частью триптиха и завершая его, “Vanitas Vanitatum” вступает в диалог со стихотворениями Шарлотты и Эмили. В страстных проявлениях любви, ставшей «сильнее смерти», в непреклонном желании жены быть рядом с мужем во всех его трудах Энн находит черты любви-тщеславия, то проявление любви, какое исследователи называют «любовью эгоистической» (Гильдебранд, 1999, с. 52), направленной «на одного (единственного) человека», «изолированное, замкнутое в себе чувство» (Скляревская, 2013, с. 107). Любви-тщеславию Энн противопоставляет главный этический принцип христианства – любовь божественную, имеющую «вселенский смысл», предполагающую единство «божественного и человеческого», «связь каждого человека с другими, взаимозависимость всех судеб» (Скляревская, 2013, с. 105). Кратким выражением связи всех людей и каждого в отдельности с Богом стали две последние строфы:

Наслаждаться благами, ниспосланными Небом,
Помогать друзьям, прощать врагов;
Ввериться Богу и соблюдать Его непререкаемый закон
Твердо и честно, в радости и горе;

Благодарным быть за то, чем наградил Он,
 Уповать на царствие небесное,
 Помнить о скоротечности радостей земных
 И в самый темный день надежды не терять. /
 Enjoy the blessings Heaven bestows,
 Assist his friends, forgive his foes;
 Trust God, and keep his statutes still,
 Upright and firm, through good and ill;

Thankful for all that God has given,
 Fixing his firmest hopes on heaven;
 Knowing that earthly joys decay,
 But hoping through the darkest day (Poems by Currer..., 1846, p. 34).

Этим строфам предшествует риторический вопрос: «Что же тогда остается несчастному человеку?» / “What, then, remains for wretched man?” (Poems by Currer..., 1846, с. 34), что подчеркивает наставительный характер ответа Энн на стихи старших сестер, где центром мира становятся их любимые. Художественный мир Энн теоцентричен, центром Вселенной в нем, по справедливому замечанию Е. А. Поляковой (2013, с. 114), становится Бог. Ее религиозное чувство неразрывно связано с эстетическим. Эта особенность мировосприятия Энн ярко выражена в стихотворении «Взгляды на жизнь» из четырнадцатого триптиха, где глубокому пессимизму, связанному с экзистенциальной тревогой смерти, препятствующему видеть земную, подвластную времени красоту, отвергающему радость жизни, противопоставлены надежда и любовь к миру:

В самой темной полуночи
 Будем ждать восхода утра.
 Если дорога терниста и далека,
 Станем ли мы презирать песню жаворонка,
 Ободряющую странника в пути?
 Станем ли безрассудно топтать,
 Улыбающиеся цветы, яркие и нежные,
 Оттого, что им все равно суждено увянуть?
 <...>

Не станем любоваться ясным небом,
 Из того что вдруг придет ненастье?
 Нет! Пока идем своим путем,
 Улыбкой будем отвечать всей красоте;
 И неизменно, когда она угаснет,
 Поддержкой будет память и надежда.

И пусть ужасная река,
 Нас ждет в конце пути,
 Возможно, из бед паломника
 Страшнейшая – не отступай – она последняя преграда!
 Да, ледяная, темная, глубокая
 И все же за ней сияет тот благословенный берег,
 Где нет ни для кого страданий, слез,
 И вечное царит блаженство! /
 But e'en in midnight's blackest gloom
 Expect the rising morn.
 Because the road is rough and long,
 Shall we despise the skylark's song,
 That cheers the wanderer's way?
 Or trample down, with reckless feet,
 The smiling flowerets, bright and sweet
 Because they soon decay?
 <...>

Or not enjoy a smiling sky,
 Because a tempest may be near?
 No! while we journey on our way,
 We'll smile on every lovely thing;
 And ever, as they pass away,
 To memory and hope we'll cling.

And though that awful river flows
 Before us, when the journey's past,
 Perchance of all the pilgrim's woes

Most dreadful – shrink not – 'tis the last!
 Though icy cold, and dark, and deep;
 Beyond it smiles that blessed shore,
 Where none shall suffer, none shall weep,
 And bliss shall reign for evermore! (Poems by Currer..., 1846, p. 129).

В следующих триптихах звучат мотивы печали и радости, разлуки. Значение основных тем книги подчеркнуто композицией: восьмой триптих, находящийся в положении золотого сечения, содержит стихотворения «Жизнь» (Шарлотта), «Смерть» (Эмили) и «Надежда» (Энн). Полилоги о жизни и смерти, надежде и вере, любви, горе утраты и его преодолении становятся лирическим повествованием с тремя сюжетными центрами, историями внутренней жизни, формирования личности. Образы лирических героев (героинь) вариативны в деталях, но тип их остается постоянным – подвижник, устремленный к действию в мире земном в стихах Шарлотты, философ, чье пространство – микрокосм души в сочинениях Эмили, глубоко религиозный мыслитель в лирике Энн. В заключительном, восемнадцатом, триптихе символическим выражением внутреннего облика лирических героев становится готовый к самопожертвованию миссионер («Миссионер», Шарлотта), философ, одержавший победу над земными страстями («Старый стоик», Эмили) и религиозный мыслитель, в молитве находящий разрешение душевных противоречий («Колебания», Энн).

Мотив любви, бывший основным в третьем триптихе, больше не выходит на первый план, но остается источником драматической экспрессии воспоминаний, веры и надежды, смыслом жизни, условием преодоления смерти.

Заключение

В результате исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Анализ структуры книги «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» обнаружил последовательное чередование текстов, созданных Шарлоттой, Эмили и Энн, как основной принцип ее композиции. Композиционной единицей становится триптих, где тема обозначена стихотворением Шарлотты, а следующие за ним стихотворения Эмили и Энн развивают заданную тему и намечают новую, придавая триптихам черты полилога. Основными в книге становятся темы жизни и смерти, что подчеркнуто расположением одноименных стихотворений в абсолютном композиционном центре, отвечающим принципу золотого сечения. Темы жизни и смерти получают развитие в мотивах надежды, веры, сомнения, отчаяния, разлуки, памяти и любви.

2. Мотив любви становится основным в третьем триптихе. В стихотворении «Воля жены» Шарлотты он звучит в вариации любви супружеской. Стихотворение Эмили «Память» обнаруживает его неразрывную связь с мотивом смерти и представляет вариацию «любви сильнее смерти». Энн в стихотворении «Vanitas Vanitatum, Omnia Vanitas» («Суета сует, все суета») косвенно указывает на черты тщеславия в стихотворениях старших сестер и любви-тщеславию противопоставляет «божественную любовь».

3. Вариации мотива любви – любовь супружеская, любовь сильнее смерти и любовь божественная – по-своему определяют особенности художественного пространства стихотворений каждого автора: мир, открытый для благородного подвига («Воля жены»), пространство души, погруженной в тьму бесконечности («Память»), единство земного и небесного, конечного и бесконечного в свете божественной любви, возникающее в последних строфах стихотворения Энн. Вместе с тем мотив любви в разных его вариациях определяет индивидуальность лирических персонажей и обнаруживает связь с мотивом призвания, поиска идентичности. Особенно ярко эта связь выражена в образах героинь Шарлотты – христианский подвиг Клавдии Прокулы («Жена Пилата»), стремление покинувшей родной дом осиротевшей дочери сохранить свое «я» («Реликвии»), жажда благородной деятельности в мире («Воля жены»). В стихах Эмили мотив призвания менее ярок, он намечен в первом триптихе в монологе дочери, умеряющей уныние отца словами о встрече с любимыми в вечности («Вера и уныние»), и определен в стихотворении второго триптиха – «Философ». В стихотворениях Энн нет прямого указания на тип лирического героя, но характер лирических монологов позволяет назвать его философом-этиком. Единство мотивов любви и призвания в сочетании с мотивами памяти, веры и надежды становится основой единства лирического сюжета о становлении личности, развивающегося в трех вариациях в книге «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла».

Дальнейшие перспективы исследования связаны с анализом мотива любви в прозе сестер Бронте, исследованием значения других основных тем и мотивов в формировании лирического сюжета книги «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Белла» и рассмотрением ее жанровой природы.

Материалы исследования | Research materials

1. Бронте Э. Агнес Грей. Роман. Незнакомка из Уайлдфелл-Холла. Роман. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1990.
2. Новалис. Гимны к ночи // Новалис. Генрих фон Офтердинген / отв. ред. Р. Ю. Данилевский, Д. Л. Чавчанидзе. М.: Ладомир; Наука, 2003.
3. Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell. L.: Smith, Elder and Co., 1846.
4. The Complete works of Emily Brontë: in 2 vol. N. Y. – L.: Hodder and Stoughton, 1908.
5. The Poems of Charlotte Brontë (Classic Reprint). L.: FB & Dalton House, 2015.
6. Complete poems of Anne Brontë. N. Y.: George H. Doran Co., 2012.

Источники | References

1. Аверинцев С. С. Любовь // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1983.
2. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993.
3. Гениева Е. Ю. Неукротимый дух // *Бронте Ш. Джейн Эйр*. Роман. М.: Худож. лит., 1990.
4. Гильдебранд Д. фон. Метафизика любви / пер. с нем. А. И. Смирнова. СПб.: Алетейя: Ступени, 1999.
5. Зуболенко А. Н., Верхотурова Н. А. Стратегии перевода стихотворения Шарлотты Бронте "Life" на русский язык // *Язык и культура: сборник статей XXXIII Международной научной конференции, Томск, 16-17 ноября 2023 г.* / отв. ред. С. К. Гураль. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2024.
6. Ионкис Г. Э. Магическое искусство Эмили Бронте // *Бронте Э. Грозовой Перевал*: М.: Худож. лит., 1990.
7. Камышева О. С. Эстетически значимые концепты в музыкальных метафорах поэзии сестер Бронте // *Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета*. 2024. № 2 (4).
8. Киселева В. А. Мотив в лирическом цикле: принципы исследования // *Вестник Вятского государственного университета*. 2010. № 3.
9. Малкина В. Я. Лирический сюжет // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008.
10. Моисеенко А. В., Галкина Ю. Р. Структурные и семантические особенности сравнений (на материале поэтического сборника сестер Бронте) // *Русский лингвистический бюллетень*. 2023. № 9 (45).
11. Петерсон О. М. Семейство Бронте: (Керрер, Эллис и Акстон Белль). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895.
12. Полякова Е. А. Тема природы в поэзии Энн Бронте // *Вестник Вятского государственного университета*. 2012. № 2.
13. Полякова Е. А. Художественный мир Энн Бронте: монография. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2013.
14. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // *Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В. Я. Проппа* / сост., предисл., примеч. и общ. ред. Б. Н. Путилова. М., 1975.
15. Силантьев И. В. Мотив // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008.
16. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004.
17. Скляревская Г. Н. Концепт «Любовь» в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки) // *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей* / ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46.
18. Целкова Л. Н. Мотив // *Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины* / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк.; Академия, 1999.
19. Шевченко О. Г. Психологизм поэзии Э. Бронте (на примере стихотворения "Remembrance" и его русских переводов) // *Научный диалог*. 2018. № 2 (74). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-2-197-209>
20. Bauman S. R. In the Market for Fame: The Victorian Publication History of the Bronte Poems // *Victorian Review*. 2004. Vol. 30. Iss. 1.
21. Gezari J. Last Things. Emily Bronte's Poems. Oxford: Oxford University Press, 2007.
22. Glasscott C. 'Is Childhood Then so All-Divine?': Representations of Childhood in the Poetry of Anne Brontë // *Brontë Studies*. 2023. Vol. 48. Iss. 4.
23. Harris M. George Eliot's conversation with Curren Bell // *George Eliot – George Henry Lewes Studies*. 2006. Iss. 50/51.
24. Hatfield C. W. A Bibliographical Introduction // *Complete poem of Anne Brontë*. N. Y.: George H. Doran Co., 1920.
25. Levine C. "Harmless Pleasure": Gender, Suspense, and "Jane Eyre" // *Victorian Literature and Culture*. 2000. Vol. 28. Iss. 2.
26. Scott P. J. M. Anne Bronte: A New Critical Assessment. L.: Vision and Barnes & Nobles, 1983.

Информация об авторах | Author information

Модина Галина Ивановна¹, д. филол. н., доц.
Толмачева Агата Андреевна²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Galina Ivanovna Modina¹, Dr
Agatha Andreevna Tolmacheva²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok

¹ modina.gi@dvfu.ru, ² tolmacheva.aa@dvfu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.01.2026; опубликовано online (published online): 22.01.2026.

Ключевые слова (keywords): лирика сестер Бронте; вариации мотива любви; жизнь и смерть, вера и сомнение, надежда и призвание; лирический сюжет; lyrics of the Brontë sisters; variations of the motif of love; life and death, faith and doubt, hope and vocation; lyrical plot.